

Этап 1. Прочтите стихотворение Иосифа Бродского.

Пилигримы

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле
пилигримы.

Увечны они, горбаты.
Голодны, полуодеты.
Глаза их полны заката.
Сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды дрожат над ними,
и хрипло кричат им птицы,
что мир останется прежним.

Да. Останется прежним.
Ослепительно снежным.
И сомнительно нежным.
Мир останется лживым.
Мир останется вечным.
Может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.

И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога,
и значит, остались только
Иллюзия и Дорога.
И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.

Удобрить её солдатам.
Одобрить ее поэтам.

Задания

1. Кто такие пилигримы? Какими они предстают у И. Бродского?
2. Как соотносятся у И. Бродского *мир* и *земля*?
3. Почему, на Ваш взгляд, утверждается, что «не будет толка от веры в себя да в Бога»? Почему слова «Иллюзия» и «Дорога» написаны со строчной буквы? Как они соотносятся в авторском сознании?
4. Как вы интерпретируете последнюю строфу стихотворения? (Почему в конце текста говорится о поэтах, хотя название стихотворения «Пилигримы»?)

1. Пилигрим (ит. *pellegrino* – чужеземец, странствующий богомолец) – путешественник, паломник. Знаковый образ в культуре, несущий в смысловом потенциале элементы скитания, поиска истины. Внешний облик пилигримов в стихотворении архетипичен и отсылает к общей традиции описания героя-странника: ветхие одежды, физические увечья, глаза, полные сомнений, сердце, полное надежд (сравните, например, со стихотворением О. Мандельштама «Пилигрим»). В культурной традиции целью паломников является путешествие (по возможности пешеходное) к святым местам: для мусульман – хадж в Мекку, для христиан – к гробу Господню в Иерусалим, для православных христиан – в православные монастыри, для католиков – в Рим. В отличие от этой традиции в стихотворении И. Бродского целью пилигримов является не посещение какого-то определенного места, а сам процесс пути, который пролегает «мимо» всего того, что ценно для обычных людей, о чем и говорится в первой строфе стихотворения.

2. «Земля» в стихотворении Бродского контекстуально связана прежде всего с пилигримами: «идут по земле пилигримы» в первой строфе; «И быть над землей закатам, // и быть над землей рассветам» в четвертой строфе, а во второй строфе закаты и рассветы соотносятся опять же только с пилигримами («Глаза их полны заката. // Сердца их полны рассвета»). Таким образом «земля» предстает в нескольких смысловых проекциях: 1) как почва, по которой *путешествуют* герои ; 2) как пространство пути (открытое), противоположное замкнутым пространствам «ристанци» – местам проведения рыцарских турниров, «капищ» – местам поклонения богам в языческих религиях, «храмов и баров», «больших базаров», «Мекки и Рима», в которых ведут свою жизнедеятельность обычные люди . Существенно, что храмы и бары, Мекка и Рим, места для жизни и для последнего успокоения людей здесь не противопоставлены, а идут в одном перечислительном ряду, соединяясь сочинительным союзом «и», потому что в кругозоре автора и героев эти пространства и их обитатели не представляют ничего существенного, значимого ; 3) как пространство природно-космического бытия – с закатами, рассветами, солнцем, звездами, пустынями, птицами – естественное пространство, разомкнутое не только по горизонтали, но и по вертикали, которое имплицитно также противопоставляется искусственным пространствам, созданным людьми для своей жизнедеятельности .

«Мир» в этом стихотворении Бродского столь же многозначен, как и «земля»: 1) мир как состояние без войны – «мира и горя мимо») ; 2) мир как мироздание, включающее в себя различные константы космического и человеческого бытия с обыденной точки зрения («останется прежним. // Ослепительно снежным... // останется вечным. // Может быть, постижимым, // но все-таки бесконечным», «вера в себя да в Бога»). На такое

соотношение указывает и фоническая организация первой (обилие звуков «ш» и «щ») и второй (звук «ж») строф. Вечность, неподвижность мира в этом случае оказывается контекстуальным синонимом нескончаемости прежнего и невозможности истины – «иллюзией» действительной жизни в кругозоре автора и героев. Двигать, вести способны только «дорога» «мимо» этого «мира» .

3. Контекстуально «Иллюзия и Дорога» предстают как совокупность противоположных человеческих представлений о себе и мире . «Иллюзия» – в кругозоре автора и героев, по-видимому, обозначает ценности обычных людей, то, мимо чего проходят пилигримы («мир» во всех его выше перечисленных значениях). «Дорога» – то, что действительно значимо для них, процесс поиска ценностей вне мира «иллюзии» (мира обыденности), что и составляет смысл и цель их существования как пилигримов у Бродского . «Не будет толка от веры в себя да в Бога» – с точки зрения комплекса идей «Дороги», поскольку это ценности обыденного человеческого мира . В контексте всего стихотворения «мир» и «земля» («Иллюзия» и «Дорога») оказываются не только противопоставленными, но и соположимыми в авторском сознании при очевидном приоритете «Дороги» .

4. В последней строфе стихотворения выделяются начальные глагольные рифмы с корнем «*добр*». При этом субъекты действий (солдаты, поэты) и сами действия (удобрить, одобрить) явно различны: результаты действий солдат, явно принадлежащих «миру», служат материальному поддержанию «земли», а действия поэтов реализуются во нематериальном (духовном) плане. Однако и то, и другое приносит «добро» «земле» .

У Бродского очевидно сближение поэтов и пилигримов. В некоторых изданиях эпиграфом к этому стихотворению стоят строчки из Шекспира: «Мои мечты и чувства в сотый раз // идут к тебе дорогой пилигримов». Сближение образов поэта и пилигрима отсылает к традиции изображения героя-скитальца, ищущего истину, поэтически обобщающего человеческий опыт. Традиционно поэт-пилигрим (например, в стихотворении Мандельштама) способен внести в мир ясность, постичь истину и засвидетельствовать ее в вечности, способен связать миры. Поэт, по Бродскому, не постигает истину и не связывает миры, его задача – фиксировать мир в том состоянии, в котором он его застал, ибо он неизменен. Очевиден приоритет «дороги», которая ведет «мимо мира», давая поэту возможность для «одобрения» .

Этап 2. Читаем стихотворения «Пилигримы/ Пилигрим», написанные русскими поэтами, выявляем, какими предстают пилигримы у других поэтов, связаны ли стихотворения, есть ли общие мотивы, какие из написанных ранее стихотворений мог читать И.Бродский, как трансформируется мотив/мотивы с течением времени.

Федор Сологуб

ПИЛИГРИМ

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идет,
Босой, больной, неутомимо,
То шаг назад, то два вперед.

И, чередуясь мерно, дали
Встают всё новые пред ним,
Неистошимо, как печали,-
И все далек Ерусалим...

В путях томительной печали
Стремится вечно род людской
В недостижимые дали
К какой-то цели роковой.

И создает неутомимо
Судьба преграды пред ним,
И все далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.
7-12 июня 1896

Мирра Лохвицкая
ПИЛИГРИМЫ

Знойным солнцем палимы,
Вдаль идут пилигримы
Поклониться гробнице священной.
От одежд запыленных,
От очей просветленных
Веет радостью цели блаженной.

Тяжела их дорога –
И отставших так много,
Утомленных от зноя и пыли,
Что легли на дороге,
Что забыли о Боге,
О крылатых виденьях забыли.

Им в сияющей дали
Голоса отзвучали,
Отжурчали поющие реки.
Им – без времени павшим,
Им – до срока уставшим,
Не простится вовеки. Вовеки!
1903 (?)

Иван Бунин
ПИЛИГРИМ

Стал на ковер, у якорных цепей,
Босой, седой, в коротеньком халате,
В большой чалме. Свежеет на закате,
Ночь впереди — и тело радо ей.

Стал и простер ладони в муть зыбей:
Как раб хранит заветный грош в заплате,
Хранит душа одну мечту — о плате

За труд земной,— и все скупей, скупей.

Орлиный клюв, глаза совы, но кротки
Теперь они: глядят туда, где синь
Святой страны, где слезы звезд — как четки
На смуглой кисти Ангела Пустынь.

Открыто все: и сердце и ладони...
И блещут, блещут слезы в небосклоне.
1908

Осип Манделштам **Пилигрим**

Слишком легким плащом одетый,
Повторяю свои обеты.

Ветер треплет края одежды —
Не оставить ли нам надежды?

Плащ холодный — пускай скитальцы
Безотчетно сжимают пальцы.

Ветер веет неутомимо —
Веет вечно и веет мимо.

Лето 1909?

Николай Рубцов **Старая дорога**

Все облака над ней,
все облака...
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука...
Навстречу им – июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые вечности глаза!
То полусгнивший встретится овин,
то хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Еще порой проскачут верховые,
И снова глушь, забывчивость, заря,
Все пыль, все пыль, да знаки верстовые...

Здесь каждый славен –
мертвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пройдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как прежде, облака...
1966

Александр Дольский

Пилигримы

Мы приходим в этот мир, как боги,
Без сомнений, с олимпийской хитрецей.
Где-то нами не оббитые пороги,
Что расквасят нашу веру и лицо,
И слова предначертаний и пределов,
Оскорбительных параграфов талмуд
Не тревожат наше царственное тело,
И бессмертную нам душу не гнетут.
Мы властители слова и просторов,
Наши истины цветные миражи.
Но не сходим мы с Олимпа в коридоры,
И на очередь за правдой тратим жизнь.
Эти клетки, где трепещут наши крылья,
Где не дышится и сердце не стучит,
Эти книжечки с пометками усилья,
Быть богами, презирающими быт,
Эти лживые названия ступенек,
По которым к некрологу торен путь,
И нехватка сострадания и денег,
И всегда, всегда еще чего-нибудь.
Это все меня так учат пилигримы,
Что с безумной песней по миру идут,
Пациенты прокураторов из Рима
И носители прозрений и простуд.
О победе мы печемся и горюем,
Из веков, как пауки, мы тянем нить.
Но когда вы победите, говорю им,
Вас захочет тоже, кто-то победить!
Что поделаешь, - они мне отвечают. -
Если даже безнадежна наша роль,
Это лучше, чем бессонными ночами
Унизительную пестовать юдоль.
И живут они во мне и в путь торопят,
Что намечен сердцем или богом дан.

И идем, пока идем, мы по Европе
Пилигримы из Эллады в Магадан.

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

ПИЛИГРИМ

Из династии темных туземцев
к нам пришел золотой пилигрим
с ним пришли золотые младенцы
разминая ручонками грим.
Говорят колокольные ноги:
пилигрим-пилигрим-пилигрим
Так идет пилигрим по дороге,
по дороге идет пилигрим.
Он истлел в бесконечном сиянии,
но остался его силуэт
там, где за горизонтом слиянье
тела с телом
и солнечный свет.
За порогом незнаемой боли
он еще оставался собой,
он пространства небесного боле,
но уже и почти неживой.
Провожают посланца златого
злые дети и грозные псы
все, кто верил когда-нибудь в бога,
все, кто кровь положил на весы.
Опадают безмены пространства,
ночь становится призрачной сна,
кружит солнце в неистовом танце,
обнажаясь до звонкого дна.
Пилигрим – только тень на дороге,
только синего сна силуэт,
только синяя тьма, где в итоге
никакого сияния нет.
Означает тот звук придорожный:
- Я не вем,
видит бог, я не вем,
но, пожалуйста, если возможно,
подарите сияние всем.
При дороге останется посох,
на котором истлеет сума.
Аки по морю, аки посуху
я схожу постепенно с ума.
Аки до смерти, аки не до смерти,
разве я не отдал себя всем.
Аки по морю, аки посуху,
я не вем и не вем и не вем.
Бог и я – только два отраженья
друг из друга плывущих зеркал,
череп только лица продолженье,
где сияет небесный оскал.

Злые дети терзают пространство,
кружит пес посредине двора,
странно все, кроме этого “странно”,
округлившего все, что вчера.
Округляется даль постоянно
и вбирает в себя синий шар,
дня сиянье и ночи слиянье
и округло растянутый шаг.
Пилигрим, отложив попеченья,
золотую котомку несет
на плечах, где заката свеченье,
на восход, где пылает восток.
Бесконечные конники скачут,
бесконечные тени бредут,
бесконечные личики плачут,
бесконечные горла ревут.
- Потерял я тот свет за порогом,
этот свет потерял я и тот,
я устал разговаривать с богом,
открывать каменеющий рот.
На дороге серый камень лежит,
серый камень лежит на дороге,
серый пес по дороге бежит,
серый пес бежит по дороге.
Пилигрим – только грим,
только грим,
а за ним только ночь,
только ночь,
только ночь позади за ним,
позади за ним только ночь.
Не хохочет тьма,
нет, молчит тьма,
и кузнечик, кузнечик ночной
мчит меня,
кони снежные
кружат вихрем в вихрь
в пургу,
тени белые лежат на снегу.
Пилигрим до облаков
только стая мотыльков,
разлетающихся в даль,
разбивающихся в боль.
Пилигрим чернее ночи,
он мерцает из снегов
и бредет от кручи к круче
впереди своих шагов.
Шаг за шагом,
смерть за смертью,
боль за болью,
мгла за мглой.
Пилигрим, какие вести?
Пилигрим, какой ты злой.

Обещай мне эту встречу,
даже если я умру,
обещай мне эту встречу
смерти краше на миру.
Любо-дорого и нежно,
Дай вам бог другую смерть,
эта встреча неизбежна
значит надо умереть.
Пилигрим, пилигрим,
Саваоф – Элогим,
Элогим – Саваоф,
Снег снегов,
Смерть – любовь.
1984

Антон Балакин:
ПИЛИГРИМ

Ты опять отправился в дорогу,
Непонятный странник пилигрим,
Чью любовь ты взял себе в подмогу,
И каким ты Господом храним?

За туманом прошлое укрылось
И в дождях растаяло, как сон,
Но клинком дорога заострилась
И вдали пронзила горизонт.

И с тех пор идет, шагами меря
Дальний путь, угрюмый пилигрим,
И во что-то так же свято веря,
И все тем же Господом храним.

Но годов невидимые нити
Управляют горькою судьбой,
И в цепи губительных событий
Даже ты не властен над собой.

Но опять идет, шагами меря
Дальний путь, угрюмый пилигрим,
И во что-то также свято веря,
И все тем же Господом храним.

И уже совсем непонятный, под странным именем Wallaby:
Мостовую - квадратики крыш
Паутинкою - вены дорог
Пилигрим - так куда ты летишь?
Отвечал Пилигрим - на Восток.
А зачем ты летишь, почему?
Разве мало заморской страны,
Где под тенью тройного листа

Краснокожие видятся сны?
Я лечу на Восток потому,
Что, пройдя здесь немало дорог,
Я покрыл рукавицу - страну
Бисеринками стоптанных ног.
И еще я лечу за судьбой,
И ответ я ищу на вопрос:
Сколько прячет песчинок песок?
И куда Сфинкс песков спрятал нос?
Улыбнулся и вновь замолчал
Лучик смеха рукою прикрыв,
Но лукавый - метнулся-сбежал
Облаков комья ваты пронзив...